

УДК 39

DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-1-139-153

Стихия ветра в мировоззренческой традиции обских угров и самодийцев: междисциплинарный подход

В. И. Сподина

*Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
vspodina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Ветер / воздух, наряду с водой, огнём, землёй, находится в ряду основных природных явлений, лежащих в основе мироздания. Стихия ветра дифференцируется по многообразным естественно-природным характеристикам, что находит различия в специфике верований, функциональности правил поведения, норм хозяйствования различных локальных этнических групп. В статье определяется роль данного атмосферного явления в доместикации пространства сквозь призму традиционного мировоззрения. Отмечаются особенности восприятия направлений ветра как отражения специфики горизонтального структурирования окружающего мира с позиции этнологии, культурологии, лингвистики с опорой на теорию атмосферности неоклассической новой эстетики для которой характерна комбинация пространственности и чувственности.

Цель: эксплицировать аспекты проявления стихии ветра в практике освоения пространства и в мировоззренческой традиции хантов, манси и лесных ненцев.

Материалы исследования: фольклорные тексты, мифологические и лингвистические словари, опубликованные труды отечественных и зарубежных исследователей, устные сообщения информантов.

Результаты и научная новизна. В статье впервые с позиции атмосферной теории немецкого философа Г. Бёме исследуется роль стихии ветра в упорядочивании пространства. На основе этнографических материалов и фольклорных текстов систематизированы 29 характеристик ветра по силе, скорости и сезонным проявлениям, раскрыта его роль в формировании пространственного опыта обских угров и самодийцев: особенности ориентации, участие ветра в создании культурного ландшафта, антропоморфизация данного метеорологического явления. Выявлены традиционные представления, в которых стихия ветра получила наиболее яркое осмысление. Подчёркиваются дуалистические представления, согласно которым ветер характеризуется, с одной стороны, как злостная сила (бьёт, рушит, приносит болезни, дурные вести, пробуждает дух ураганов и др.), а с другой – как добрая (разгоняет тучи, приносит дождевые облака, отгоняет насекомых и т. д.). Составлены схемы центрировано-мифологической ориентации по направлениям ветра у хантов, манси и лесных ненцев, которые позволяют визуализировать особенности локального этнокультурного ландшафта.

Ключевые слова: атмосферная теория, стихия ветра, доместикация пространства, ориентация в пространстве, традиционное мировоззрение, обские угры, самодийцы

Для цитирования: Сподина В. И. Стихия ветра в мировоззренческой традиции обских угров и самодийцев: междисциплинарный подход // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 139–153.

The element of wind in the ideological tradition of the Ob-Ugric and Samoyed peoples: an interdisciplinary approach

V. I. Spodina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vspodina@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: wind / air, along with water, fire, and earth, is among the main natural phenomena underlying the universe. The element of wind is differentiated by its diverse natural characteristics, which finds differences in the specifics of beliefs, functional rules of behavior, and economic norms of various local ethnic groups. The article defines the role of this atmospheric phenomenon in the domestication of space through the prism of the traditional worldview. The article highlights the peculiarities of the perception of wind directions as a reflection of the specifics of the horizontal structuring of the surrounding world from the perspective of ethnology, cultural studies, and linguistics based on the theory of atmospheric neoclassical new aesthetics, which is characterized by a combination of spatiality and sensuality.

Objective: to explicate aspects of the manifestation of the wind element in the practice of space exploration and in the ideological tradition of the Khanty, Mansi and Forest Nenets peoples.

Research materials: folklore texts, mythological and linguistic dictionaries, published works of domestic and foreign researchers, oral reports of informants.

Results and novelty of the research: for the first time, the article examines the role of the wind element in the ordering of space from the perspective of the atmospheric theory of the German philosopher G. Boehme. Based on ethnographic materials and folklore texts, 29 characteristics of the wind in terms of strength, speed and seasonal manifestations are systematized, its role in shaping the spatial experience of the Ob Ugrians and Samoyeds is revealed: the peculiarities of orientation, the participation of the wind in the creation of the cultural landscape, the anthropomorphization of this meteorological phenomenon. The traditional ideas in which the element of wind received the most vivid interpretation are revealed. Dualistic ideas are emphasized, according to which the wind is characterized, on the one hand, as a malicious force (strikes, destroys, brings diseases, bad news, awakens the spirit of hurricanes, etc.), and on the other – as a good one (disperses

clouds, brings rain clouds, drives away insects, etc.). Schemes of centered-mythological orientation in the wind directions of the Khanty, Mansi and Forest Nenets peoples have been compiled, which make it possible to visualize the features of the local ethnocultural landscape.

Key words: atmospheric theory, element of wind, domestication of space, orientation in space, traditional worldview, Ob Ugrians, Samoyeds

For citation: Spodina V. I. The element of wind in the ideological tradition of the Ob-Ugric and Samoyed peoples: an interdisciplinary approach // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 139–153.

Введение

Тема отражения метеорологических знаний в традиционном мировоззрении не нова как в отечественной, так и в зарубежной этнографии. Однако встречается лишь небольшое количество работ, касающихся осмысления взаимодействия человека с воздушным пространством, исследований архетипических, мировоззренческих основ и мифопоэтического, художественно-образного отображения ветра в народной традиции, обрядах, культурной антропологии, что в целом свидетельствует о не разработанности данной темы.

Представления о ветре в культуре народов русского Севера и связанных с ними верованиями записывали краеведы, этнографы, фольклористы, путешественники в XIX–XX вв. (С. В. Максимов, П. С. Ефименко и Н. Н. Харузин). В современной историографии первыми методологически значимыми являются работы Н. И. Толстого и С. М. Толстой, посвящённые метеорологии славян [37, 248; 38, 253–266 и др.], которые во многом определили народные представления о погоде как исследовательское направление в этнологии, включающее мифологические компоненты, фенологические знания и опыт наблюдения за атмосферными явлениями, а также систему практических действий для изменения или предотвращения событий, связанных с природой. Е. Е. Левкиевская и А. А. Плотникова подготовили обстоятельные словарные статьи по представлениям о ветре и вихре у славян [22, 379–382; 29, 357–361]. Вопросам метеорологической магии на материалах по археологии России посвятил своё исследование А. В. Чернецов [47, 349–358].

Ветер в качестве главного символа и средоточия начала жизни алтайцев, оказался в поле исследовательского интереса Л. В. Фёдоровой [41, 364]. Народные представления о ветре в культуре башкир, связанных с ними приметах, поверьях, ритуалах и заклинаниях и др., фрагментарно содержатся в ряде мифологических словарей [43, 86–87; 44, 150–151]. П. Д. Абрамов, рассматривая основные качества четырёх стихий (вода, земля, воздух и огонь), отмечал всепроникающий характер воздуха, который проявлялся как дуновение, ветер. «Воздух – ближайшая стихия к изначально-

му вездесущему пространству, которое всё в себя вмещает, а само не вмещается ни в чём»¹ [1, 23].

Наиболее активно исследования народной метеорологии проводятся на материалах коми. Примеры обрядов вызывания ветра содержатся в работах В. Э. Шарапова [48, 158–159], О. В. Голубковой [12, 102–103], Н. А. Лискевич [24, 193–194] и др. Н. А. Лискевич, И. Ю. Копыльцова и Л. С. Поршунова обратились к исследованию народных примет, связанных с прогнозированием погоды у оленеводов Приполярного Урала, а также выявлению экологической и хозяйственной обусловленности актуального корпуса примет. Авторы отмечают, что «на восточных склонах Урала северный и восточный ветер предвещали непогоду, дождь, ненастье, в зимнее время северный ветер нёс мороз, а западный – тёплую погоду. На западных склонах северо-западный ветер приносил туман и дожди. Южного ветра, как отмечают оленеводы, у них почти не бывает» [25, 197]. К. В. Истомин анализирует знания о природно-климатических явлениях у коми оленеводов и выделяет их основные блоки: классификации ветров, осадков и явлений, связанных со снегом и снежным покровом [16, 87–100], отмечает общие для коми и ненецких оленеводов способы ориентации по направлению ветра, а именно: «... и у тех, и у других оленевод при отъезде со знакомого места замечает, под каким углом его тело или голову обдувает ветер. В процессе путешествия он старается ехать так, чтобы ветер дул на него всегда под этим углом» [17, 73]. С позиции лингвистики подошёл к исследованию названий ветра у коми А. Н. Ракин, сгруппировав их в шесть лексикотематических групп по направлению их движения относительно сторон горизонта, по температурным свойствам, обусловленности сезонными условиями и т. д. [31, 52–57].

Фрагментарные сведения о ветре, как сверхъестественном существе у локальных групп хантов приводятся в исследовании В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной [20, 167–168]. Поверья, связанные с вихрем в аспекте реинкарнирующей души-дыхания, нашли отражение в статье Т. В. Волдиной. Обращают на себя внимание приведённые автором магические функции,

¹ Курсив автора цитируемой статьи.

в которых задействовано данное природное явление. Так, например, исследователь отмечает, что с помощью пыли из вихревого потока злоумышленник мог «лишить женщину умения ткать, если бросит эту пыль под ткацкий станок» [9, 37]. Отрывочные данные по приметам и поверьям с упоминанием ветра, а также легенды, содержащие описание ветра в качестве мифонима, встречаются в фольклорных сборниках и мифологических словарях манси [30; 45]. Запрет, связанный с разрушением «чума ветра» в кроне дерева описывает на примере лесных ненцев с р. Пур М. И. Гардамшина [11, 236].

В. Н. Адаев, исследуя пространственные ориентации тундровых ненцев, отмечает одну характерную особенность: «В повседневной речи указание на стороны света у ненецких кочевников часто увязывается с ветрами и информаторы нередко вместо слов “север”, “юг”, “восток” или “запад” приводили выражения “северный ветер”, “южный ветер” и т. д. Временами создавалось ощущение, что понятия “ветер” и “географическое направление” для тундровиков настолько близки, что почти сливаются воедино» [2, 90].

Учитывая, что атмосферная проблематика, как целостное явление в аспекте пространственного восприятия недостаточно исследована, мы поставили перед собой следующие задачи: 1) определение локальных характеристик ветра у различных групп хантов, манси, ненцев; 2) выявление роли стихии ветра в освоении пространства и структурировании мира на горизонтальном уровне сквозь призму переживаний; 3) установление особенностей антропоморфизации данного природного явления в традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев как одного из факторов осознанности пространства.

Материалы и методы

Материалы для исследования извлекались из опубликованных сборников по этнографии и фольклору [3; 18; 23; 39; 45], мифологических и лингвистических словарей [4; 5; 10; 13; 14; 23; 30, 33 и др.]. Дополнительными источниками стали публикации, включающие приметы погоды у коми, марийцев и венгров, как представителей финно-угорских народов [12; 48; 51; 54].

Использовались сравнительно-исторический, описательный методы, а также метод локуса, при котором формируются ассоциативные цепочки, позволяющие путём реально наблюдаемых явлений и воображаемых представлений создавать культурно освоенное пространство.

Результаты

Представления о явлениях природы в традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев многообразны. В фокусе нашего внимания оказалась стихия ветра, представляющая собою поток воздуха, который движется горизонтально над земной поверхностью. Передавая идею движения, изменения, преобразования ветер является неотъемлемой частью окружающей человека действительности, исследование которой мы проведём, основываясь на таком определении М. Хайдеггера как «*Stimmung*» – «настроенное бытие». Оно, по замечанию Е. Г. Фень, «открывает новую сферу в изучении пространственного опыта» и обосновывает «возможность изучения нематериальных средств пространства» [40, 107], к которым с полным основанием можно отнести стихию ветра. Данный направленный поток воздуха мы будем рассматривать в соответствии с двумя локусами – реальным (явлениями, наблюдаемыми в действительности) и виртуальным (воображаемым, мыслимым). Их сочленённость даёт возможность раскрыть роль стихии ветра в домостроении пространства как процесса его окультуривания, трансформации из «внешнего», «чужого» в «домашнее», «своё». Но чтобы это «внешнее» стало «своим», оно должно быть понято, объяснено, структурировано.

Особое географическое положение территории проживания хантов, манси и ненцев (Западно-Сибирская низменность – одна из крупнейших равнин мира) и её природно-климатические условия предопределили многообразие номинаций ветра в зависимости от его качественных характеристик.

Ветер, его происхождение. Названия ветра у обских угров и самодийцев не отличаются особым разнообразием: *вот / ват* ‘ветер’, хант.; *вѳт*, манс.; *мельша* ‘ветер’, ‘запах’, лесн. нен.; *мерця* ‘ветер’, тундр. нен. [4; 5; 10; 13; 15; 28; 32; 46; 49]. Его возникновение – важная мировоззренческая проблема и решалась она обскими уграми и самодийцами по-разному. Ханты с р. Вах считали, что «ветер возникает из-за движения невидимого существа *Ват лунга* (‘Ветра дух’)» [20, 167]. Аганские ханты полагали, что «ветер богом создан, чтобы мошкарку отгонять и прохладу приносить» [28, 223]. У сургутских хантов также существует представление о боге *Toräme*, выпускающем изо рта ветер; его называют «дующим ветром», он посылает на землю «скользкий ветер для езды на лыжах» [54, 122–123]. Ханты с р. Ляма считали, что погоду, одним из элементов которой является ветер, устанавливает местный дух, именуемый

Лэм ики 'Лямина старик'. Манси полагали, что ветер возникает от игры сына бога на *сауквылтапе*.

В представлениях ненцев ветер посылает гигантский бык севера, живущий в Ледовитом море, у северной кромки неба. Когда он дует – поднимается холодный ветер, а пурга возникает от расчёсывания злой Старухой своих волос с перхотью, которая превращается в снег [21, 17]. По другим версиям ненецких мифов «злого духа в виде вихря» напускает *Нумкымпой*-дедушка¹ когда злится, а плохой восточный ветер посылает Восточная старуха [23, 23, 76]. Ненцы связывали появление снежного вихря со взмахами железных крыльев огромной мифологической и сказочной птицы *Минлей*, «у которой их было по семь... на каждом боку» [8, 49; 51, 78].

Качественные разновидности ветра. В связи с доминирующими в хозяйственной деятельности обских угров и самодийцев традиционными видами промысла (рыболовство, охота, оленеводство) в местной культуре сложилась система названий ветров в зависимости от силы и скорости²:

штиль (отсутствие ветра)

- восточные ханты: *тавэн* (в такую погоду на озёрах нет волн, поверхность ровная); *тáвэн* 'безветренно' (в такую погоду комаров много);
- лесные (пуровские) ненцы: *кыню дири* 'месяц тишины / безветрия';
- лесные (аганские) ненцы: *мельша ше* 'на шалма' ветер стих';
- манси: *суйтáл вóт* 'тихий / беззвучный ветер'; *вóттáл / хóтал* 'без ветра' или *тавант* 'безветрие' [Устное сообщение С. С. Динисламовой, Ханты-Мансийск. 2026].

умеренный

- северные ханты: *вот ай ултап* 'ветер, оказывается, слабый'; *вот рув* 'ветерок';
- восточные ханты: *тарэм вот*, аг. хант.;
- тундровые ненцы: *мерця хэ* 'нэ' 'ветер тихий'; *мерця нимнебтэй* 'слегка подул'; *мерцяко* 'ветерок';
- манси: *вóтуукве* 'веять, дуть'; *вóтанты* 'потихоньку дует', *вóтантáлы* 'иногда дует' [Устное сообщение С. С. Динисламовой, Ханты-Мансийск. 2026].

сильный

- северные ханты: *вот така йил* 'ветер крепчает'; *вотл тарэм* 'ветер суровый, сильный';
- тундровые ненцы: *лыбнана мерця* 'сильный порывистый ветер'; *сата мерця* 'сильный ветер';

- лесные (аганские) ненцы: *ха'та мельша* 'сильный ветер';
- манси: *вóтмыхтаукве / вóтмыхтас* 'задуть, задул' (усилился), *вóтыу* 'ветренный'; *вóтасты* 'дует сильно' [Устное сообщение С. С. Динисламовой, Ханты-Мансийск. 2026].

штормовой

- северные (шурышкарские) ханты: *буря – вотас, так вот, тарам вот*; *буран – атэм вотас*;
- восточные ханты: *буря – тарам-вот* 'тремит ветер'; *буран – пурка-вот* 'дым ветра';
- манси: *вóтас* 'буран';
- тундровые ненцы: *сисяда мерця* 'штормовой ветер';
- лесные ненцы: *кáт* 'пурга', 'вьюга'.

ураганный

- северные ханты: *вот (ат) пáртап* 'вихрь' (клок, прядь торчащих волос);
- тундровые ненцы: *пóугэй мерця* 'порывистый, вихрь, ураган';
- манси: *яныг вóт* 'большой вихрь'; *нъяра вóт* 'сильнейший ветер' [Устное сообщение С. С. Динисламовой, Ханты-Мансийск. 2026].

Кроме перечисленных тундровые ненцы, например, ещё выделяют: *ид' мерця* 'морянка'; *хасуй мерця* 'ветер, который гонит воду от берега'; *хой' мерця* 'ветер, дующий из тундры'; *хэ' мерця (хэ' няд)* 'послегрозового ветер'; *ситна мерця* 'сквозной ветер'; *мерця посыбида нобри' хэври'* 'ветер дует в одну сторону'; *мерця ни* 'против ветра'. Ветер также способен вызывать буран – *хад*; последняя стадия бурана (градинки) – *ханябцё' хад* (букв.: совиный буран); продолжительный холодный буран – *нэрм' хад*; продолжительный буран в месяц большой темноты (в декабре) – *пэвди хад (си'ван' мэ'да)*, ветер с пургой *хад мерця* [36, 250; 42, 34, 119, 120, 124].

Ветры в зависимости от направления, времён года и хозяйственных занятий могут восприниматься как положительные или отрицательные явления. Так, например, северными (приуральскими) хантами ветер в мае, во время отёла оленей, когда после тёплых дней резко начинает дуть северный ветер и метель, и снегопад определяется как *сыйув сакэптэты вотас*, букв.: телят душащий ветер (метель). В это время погибает много маленьких оленят [Устное сообщение А. И. Сязи, пос. Питляр, 2025].

¹ Посредник между небесным богом и людьми.

² Основу классификации составляют словесные определения силы ветра по шкале Бофорта (5 основных эффектов из 12).

Особенно много примет, обнаруживающих связь ветра с атмосферными оптическими явлениями и небесными телами, наблюдается у ненцев. Лесные (аганские) ненцы, например, заметили: если вокруг Месяца идут светлые круги – к метели; если на небе звёзды мигают – будет ветер; когда дым опускается на землю, жди метель или бурю; если вечером на небе появилось северное сияние, то это к метели и обильному снегу с ветром; если солнце садится на закате в облако – будет ветер [Устное сообщение П. Я. Айваседа и Т. Г. Айпина, стойбище на Юккун-явун, 1999].

Для сравнения укажем на аналогичные приметы тундровых ненцев: на севере северное сияние дугой – завтра будет буран; спектр у Луны два-три круга, стремительно уменьшается – сразу будет буран; вокруг солнца радуга – к бурану; мерцание звёзд (*нумгы* "лябана") – к бурану, к холодной погоде. Ненцы направление и силу ветра могли предугадывать по поведению животных и птиц. Так, например, по представлениям лесных ненцев, если «кулики плачут, дождь будет, большой ветер принесёт», если куропатка сидит на берёзе или тальнике – будет снегопад, метель, если собака валяется по снегу – к метели [39, 90; устное сообщение П. Я. Айваседа и Т. Г. Айпина, стойбище на р. Юккун-явун. 1990]. По поверьям тундровых ненцев, если чайки высоко в небе – к ветрам [42, 143].

Как видим, стихия ветра, наделённая могуществом, не столько воспринимается зрительно (безветренно – «на озёрах нет волн, поверхность ровная», «комаров много»; вихрь – «клок, прядь торчащих волос»; морянка – «ветер, который гонит воду от берега»; буран – «дым ветра», «ветер с пургой»), сколько осязательно (ветер: слабый, сильный, суровый, порывистый, штормовой, сквозной), формируя представление о реальном окружающем человека пространстве. Это такое пространство, которое, по выражению Г. Бёме, «концентрируется и воплощается через присутствие вещей, людей или явлений природы» [53, 121]. Ветер, как атмосферное метеорологическое явление, играет важную роль в освоении территории хозяйствования посредством ориентации в пространстве.

Ветры в пространственной ориентации. Реальный локус связан не только с различными номинациями ветров по качественным характеристикам, но и с их «включённостью» в процесс восприятия направлений сторон света, с прокладыванием пути, с интенсивностью перемещения по местности и запоминанием пространственных

ориентиров [55, 121]. По розе ветров обские угры и самодийцы различают четыре основные направления: северный ветер (*бвас вот*, хант.; *лүй вѳт*, манс.; *чешта няни*, лесн. нен.); южный ветер (*нүйм вот*, хант.; *алы вѳт*, манс.; *тячапѳта тян няни*, лесн. нен.); западный ветер (*кѳв вот*, хант.; *нѳр вѳт*, манс.; *менлена халю*, лесн. нен.); восточный ветер (*холжѳйт вот*, *хѳтѳл ѳтты пѳлѳк вот*, хант.; *хѳтал нѳглын ѳр вѳт*, *хольпал вѳт* манс.; *тяля няни*, лесн. нен.).

Северный ветер. Север у обских угров ассоциировался с низом, локализованным в районе Ледовитого океана. Так, например, на Пиме, Агане и Тром-Агане север называется *ил* 'низ'. Ваховские ханты духа северного ветра – *Йиу вот лунг*, представляли, как «Низа ветра дух», при этом они практически не делали различия между северным и восточным ветром, т. к. ветер с этих направлений приносил холод: *йиу вот* 'северный ветер, восточный ветер' [10, 182]. Северные (приуральские) ханты направление *Ным вот* 'северный ветер' определяется как «нижний ветер». Он был такой силы, что мог разрушить жилище оленевода: «*Кев вот хойѳс*, *хотлув ѳи тѳлѳйт* 'Северный ветер подул, чумы наши может сдуть'» [Устное сообщение А. И. Сязи, пос. Питляр, 2025].

Мансийский северный ветер также локализуется на севере (*йолы-мѳ* 'нижняя земля'), северном крае – *Луи мѳ*. «Холодного ветра земля» – это ещё и потусторонний Нижний мир, мир мёртвых, мир холода и мрака. Мансийский миф наделяет свирепый северный ветер (*лүй вѳт*) оценочными характеристиками. «В прежние времена он дул зиму и лето, не переставая. Каждый день люди умирали от холода. Тогда один самоед отправился к нему. Пришёл к северному ветру с ним воевать. Выстрелил из лука и разбил ветру половину челюсти. С этой поры настало тепло. Стало так жарко, что люди изнемогали от жары. Прошло некоторое время, и северный ветер опять стал дуть, но уже прежней силы у него не было» [18, 156]. При всей своей разрушительной силе, наибольшую опасность для манси представляет основание северного ветра, «там *мѳнквы* живут, плохие люди, съедят» [30, 89].

Лесные ненцы северный ветер воспринимали как *чешта няни* 'сторона откуда дует холодный ветер', но самым сильным, жгучим, плотным и направленным был *нѳлта шохот* 'северной горловины [ветер]': «Если руки вынуть из рукавиц, то они сразу же обжигаются этим ветром и как бы покрываются ледяной коркой». Бог северного ветра, разгневавшись, мог забрать душу человека. Согласно

ненецкой легенде он насмерть застудил своего ребёнка за непослушание [35, 36, 38]. Тундровые ненцы направление север также связывали с «ледовым морем» (так раньше называли Северный Ледовитый океан), откуда дул холодный, нагоняющий воду ветер, приносящий избавление от гнуса.

Южный ветер. На противоположной стороне мироздания находится южный ветер. Южная сторона света воспринималась хантами как *ном* ‘верх’, на Пиме юг – *катл* ‘день’. На Агане – юг – *якулта пелек* ‘тёплая сторона’, на Вахе – *том мых* ‘тёплая земля’, на Тром-Агане – *пумых мых* ‘жаркая земля’ [20, 171–172]. Сургутские ханты южное направление ветра и юго-западное не разделяли, ощущая его как одно направление: *ййэ* *вот* ‘южный ветер, юго-западный’ [10, 182]. Для северных (приуральских) хантов направление *Нум вот* ‘южный ветер’ ассоциируется с верхом (*Нум* ‘верх, верхний’).

Манси южный ветер воспринимали как *алы вѳт тыт* ‘место, откуда дует южный ветер, точка юга’ [46, 103], букв.: ‘исток южного ветра’ (*алы вѳт* – южный ветер), *хѳтал* от *хѳтал йѳт йѳр* ‘полуденная сторона’, т. е. юг, южная сторона [34, 244] – *мѳртым мѳ* ‘тёплая земля’ (южный край). Лесные ненцы также связывали направление юг с тёплым ветром *тячапѳта тян няни* ‘сторона, откуда дует тёплый ветер’, ‘тёплого (ветра) сторона’, детализируя, что с юго-запада (*пѳнта няни* ‘жаркого (ветра) сторона’) дует «самый тёплый южный ветер» [35, 36].

Тундровые ненцы характеризуют южный ветер – *яля’нъялад нѳда мерця, пыв мерця* как ‘сухой, тёплый’, *хад’ мерця* ‘жаркий ветер’, *иба мерця* ‘тёплый ветер’ [36, 250; 42, 119, 120, 126]. Он вызывает таяние снега и льда. В районе Полярного Урала оленеводы хорошо знают, что с южным ветром часто появляется позѳмка. При ориентации они ощущают, что к югу сила ветра ослабевает.

Западный ветер. Запад в пространственной ориентации традиционно связывается с мотивом ухода из жизни и, как и север, считался тыльной стороной мироздания и ассоциируется с Нижним миром. На Пиме запад – *итен котл пелек* ‘сторона, где кончается день’, на Агане – *ил-ил* ‘нижний низ’, на Вахе – *сунг ланата Торум пелек* ‘солнце заходит, божья сторона’, на Тром-Агане – *котл энтѳ пелек* ‘солнца нет сторона’ [20, 171–172]. Западное направление ветра наиболее всего представлено в пространственной ориентации северных хантов и имеет привязку к Уральским горам: «*Кев вот* ‘западный ветер’ (букв.: горы ветер), когда человек находится на восточной стороне

Урала; *Лѳпта вот* ‘западный ветер’ (букв.: болото ветер), когда человек находится на западной стороне Урала; *Ным кев олѳн вот* ‘северо-западный ветер’ (букв.: север горы начало ветер); *Нум кев олѳн вот* ‘юго-западный ветер’ (букв.: юг горы начало ветер) [Устное сообщение А. И. Сязи, пос. Питляр, 2025].

Манси про западное направление говорят: «*Хѳтал Нѳрпалын минас* ‘солнце в сторону Урала (гор, запад) ушло’, букв.: солнце в стороне гор появилось, *хѳтал ѳнтнѳ ѳр* ‘[где] солнце садится сторона’ [Устное сообщение С. А. Поповой, Ханты-Мансийск, 2025].

В пространственной ориентации лесных ненцев запад именуется как *тяля талкаш няни* ‘солнце закрывается сторона’, ‘сторона, где садится солнце’, *пун няни* ‘ночная сторона’ или ‘мертвецов сторона’. Практически забытое название западного ветра – *менѳена халю, вет* нашим информантом переведено как «несущий дожди, воду, влагу» [Устное сообщение К. В. Айваседа, пос. Варьѳган, 2026]. «Дверь» в чуме никогда не ориентировали на запад, в сторону тѳмных сил. Чум, повѳрнутый дверью на *пин няни* считался признаком покойника. Лишь в особых случаях (ураган, метель) «дверь» можно было перенести на противоположную от востока западную сторону. При этом обращались к верховному божеству *Нуму* с извинением: «... руководитель всех этих ветров, погоды, не по нашей воле мы делаем двери. Прости, но у нас уже выхода нет» и добавляют: «Дверь между ветрами стороной [пусть] будет» [35, 40]. Тундровые ненцы западный ветер описывают как *идм’ таллава* ‘вода пришла’, *сарѳ мин* ‘дождливый ветер’, *яля’паде* ‘ветер, который дует там, где скрывается солнце’. В любом случае западный ветер, преимущественно, несѳт дожди, влагу и холод.

Восточный ветер играл значительную роль в различных культурах и был связан как с положительным, так и с отрицательным символизмом, в зависимости от интерпретации и контекста его присутствия. У обско-угорских народов ассоциируется с переменами и рассматривается как предвестник, ситуативно приносящий неудачу или даже смерть. Например, для северных хантов направление *хѳла вот* ‘восточный ветер’ буквально означает «покойник ветер».

На Пиме восток – *алет котл пелек* (приблиз. ‘сторона, где утром солнце’), на Агане – *юм чогот волтык* (приблиз. ‘буран тучи место’), на Вахе – *сунг паканта Торум пелек* (‘солнце восходит, божья сторона’), на Тром-Агане – *ил-ил* (‘нижний низ’) [20, 171–172]. Восточная сторона света у

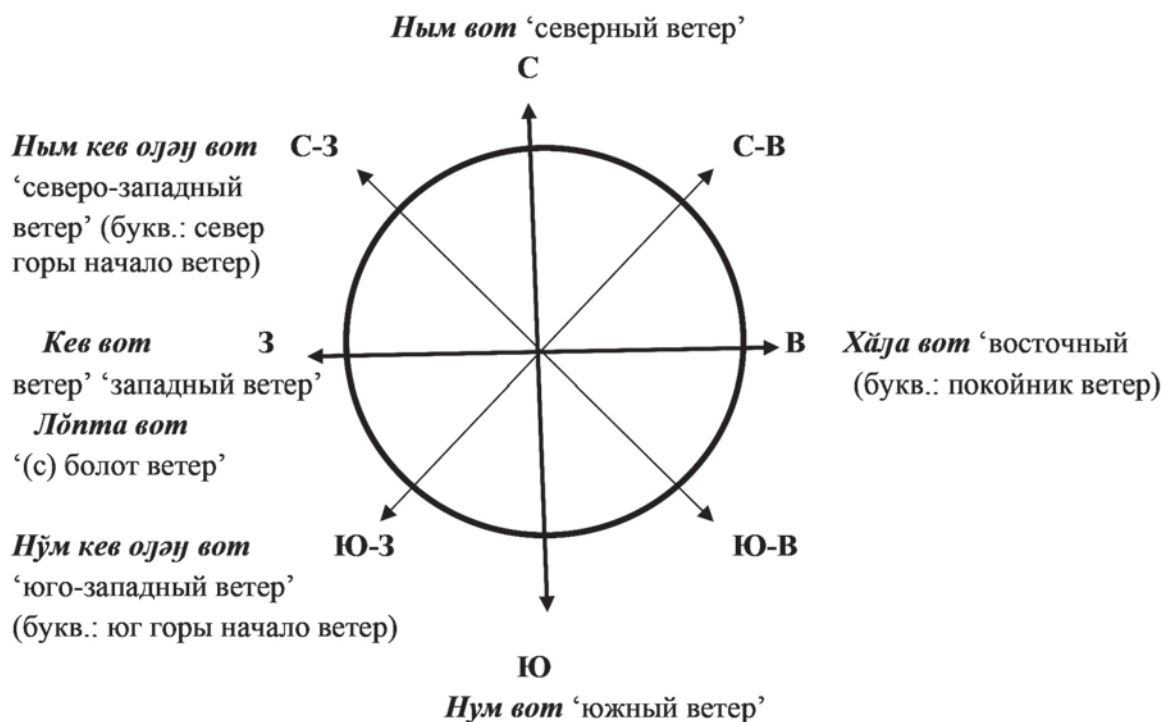
манси именуется как *холы вѳт тым* ‘место, где кончается ветер, восток’. Лесные ненцы связывали восточное направление с восходом солнца – *тяля няуи* ‘солнце встаёт’, и это несмотря на то, что ветер с востока они характеризовали как очень сильный, способный приносить вихри и считали его предвестником смерти [23, 23].

У тундровых ненцев ветер с восточной стороны характеризуется как приносящий заморозки: *ханибте* ‘морозный’; *тецьда нум’мин* ‘ветер морозного неба’; *пяд’ хасев’ нэрм* ‘лесных ненцев северный ветер’. По поводу последнего названия восточного ветра у тазовских ненцев В. Н. Адаевым был получен следующий комментарий от Р. Х. Рахимовой (Тазовский р-н, 2014): «Это восток. Где Пяки живут. Это лесные ненцы там. Есть дальний восток, а это ближний восток. По их понятиям север у них на востоке. У них холода наступают, если ветер дует с востока. Это ихний север. А по-нашему – это восток» [2, 90]. Особенностью восточного ветра является отсутствие у него силы.

Восточные ветры вообще довольно продолжительны и надолго устанавливают погоду, причём,

в конце концов, за ними с переменою ветра следуют дожди; сами по себе восточные ветры всегда сухие. Доминирующими ветрами являлись северный и южный, которые ассоциировались с низом и верхом соответственно. Западная и восточная стороны ориентирами не служили. У аганских лесных ненцев-оленоводов главным в пространственной ориентации считался «северо-восток, называемый *уэлта шохот* – “северной горловины ветер”. Юго-восток, напротив, считался направлением *мелли тикку* – “ветра нет”, “откуда не дует ветер”. Юг определялся как *тячапѳта тяу няуи* – “тѳплого ветра сторона”, а юго-запад – *пѳнта няуат* как “самый тѳплый ветер”» [35, 36–40].

Для местных жителей знание о дневных и сезонных ветрах и их свойствах – значимый инструмент в выборе мест, где можно разбить лагерь, когда и как передвигаться, а также любых практик, связанных с использованием местного ландшафта [56, 158]. Восприятие того, в каком направлении дует ветер, важно в повседневных практиках оленеводов как отражение специфики горизонтального структурирования мира (рис. 1).

а) северные (приуральские) ханты¹

¹ Схема составлена по устному сообщению А. И. Сязи, пос. Питляр, 2025.

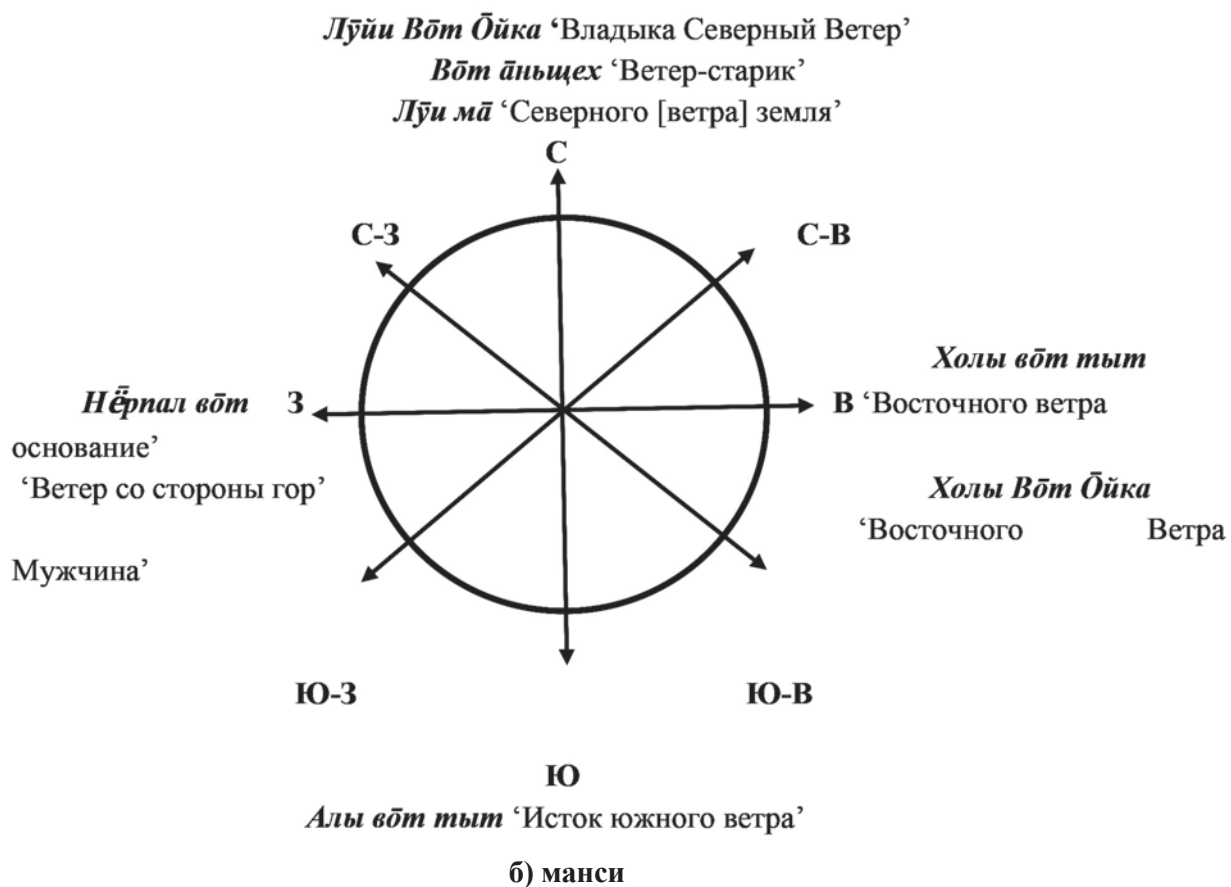

Рис 1. Центрировано-мифологическая пространственная организация по направлениям ветра: а) северные ханты; б) манси; в) лесные ненцы

Ветер в формировании культурного ландшафта¹ расширяет наши представления о реальном локусе метеорологических явлений. Культурный ландшафт мы будем рассматривать в рамках культурологического направления, определяя его, вслед за А. А. Шишкиной, как среду «формирования и развития определённой культуры, необходимое условие для сохранения, передачи и функционирования практического знания и духовного опыта одним поколением другому» [50, 153]. В контексте статьи культурный ландшафт – это не просто географическое пространство, а совокупность топонимов и сакральных локусов, где ветер закреплён в памяти народа как действующее лицо.

В традиционном ландшафтном пространстве топонимы с упоминанием стихии ветра распространены на всей территории Западной Сибири. Так, например, в бассейне р. Казым встречается ряд хантыйских названий, связанных с ветром: «Залив у острова (бугра), где падает ветер», «Болото, где бил ветер». На происхождение топонимов повлияли постоянно дующие на открытой местности по правому берегу р. *Ем вош юхан* северные ветра, которые заносят зимник снегом, а по открытой воде у начала протоки *Линта мухат* гонят мусор, наносят брёвна. Информант Т. Н. Дмитриевой – С. С. Куриков из дер. Полноват, силу северного ветра сравнивал с ударом («северный ветер всё время бьёт»), а информант П. Д. Аликов – с крылатым духом-покровителем рода Вандымовых – Орлом («Орёл-мужчина», «Крылатый мужчина») – богом ветра: «... каждое крыло у него 7 саженой. Где пройдёт, все деревья валит одной линией» [14, 212, 243].

Связь ландшафта с характеристиками атмосферных явлений нашла отражение в мансийских оронимах, связанных с выпуклыми объектами рельефа (горами). Запад для манси, живущих к востоку от Уральской гряды, ассоциировался с *Нёр* – Уралом, с которого дует *Нёрпал вѳт* – западный ветер, букв.: ‘ветер с гор’. Этот ветер самый сильный. Гора на западном склоне Северного Урала *Нѳ-Пупыг-Нёр* (*Нёр-Эква*) ‘[Высшая] гора Святой покровительницы’ на картах обозначается с параллельным коми названием: *Тэл-Поз-Из* (букв.: Гора гнезда ветров, от *тѳл* «ветер», *поз* «гнездо», *из* «камень», «гора», «хребет»), т. е. «Гнездо ветра». С её вершины часто дуют свирепые ветры, несущие облака, дождь или снег. На вершину этой горы никто не может подняться, так как на ней живёт бог ветра и холода *Шуа*, или *Войтель*, «который

не любит шума, не позволяет людям врываться в своё жилище. Проходя через Урал мимо *Тэл-Поз-Иза*, коми старались не шуметь. Если *Шуа* “услышит шум, то поднимется страшный ветер, снег, и люди должны погибнуть, или же превращаются в камень”» [27, 127].

Происхождение названия горы *Вѳт-Тѳратанэ-Сяхл* ‘[Высокая] гора, пускающая ветер (ветры)’, связано с природно-климатическими условиями района восточного склона Северного Урала. Коренные жители р. Сев. Сосьва отмечают сильные ветры, исходящие со стороны этой горы. «В пасмурную погоду между двумя вершинами, *Вѳт-Тѳратанэ-Сяхл* и *Лунт-Хусан-Сяхл*, сногшибательный ветер дует как в динамическую трубу. Тёплые воздушные массы в верхних слоях атмосферы, “цепляясь” за пики гор, создают круговерть с нижними холодными потоками, что заставляет “каруселью” гонять тучи с непогодой в низинные районы региона» [34, 236]. К данному орониму следует привести важное пояснение С. А. Поповой, которая обратила внимание на то, что в песнях Медвежьего праздника во время спуска медведицы / медведя с неба люльку качал из стороны в сторону «горловой ветер». Такие порывистые ветра обычно задувают из узких мест Уральских горных рек с высокими скалистыми берегами-вершинами. Когда *Торум* напускает холодный свирепый ветер, с низовьев горла (сильный, мощный ветер, задувающий из горловины реки) люльку с медведем уносит в верхнюю землю (т. е. на юг). Если поднимается горловой ветер с верховьев горла, то его уносит к нижнему морю (т. е. к Северному Ледовитому океану) [3, 73–75]. Иными словами, на *Вѳт-Тѳратанэ-Сяхл* формируются сильные, порывистые меридиональные ветра, дующие как с севера на юг, так и с юга на север.

Манси горный хребет *Пѳты-Нёр*, находящийся на границе Приполярного и Северного Урала, называют *Туйтыу-Нёр* ‘Снежный горный хребет’ (*туйт* ‘снег’) или «ад», так как зимой там постоянно метель. Согласно информации, записанной Т. Д. Слинкиной от В. Н. Вьюткина «район хребта с осени до весны всегда покрыт глубокими, непроходимыми снегами. Дело в том, что массив *Туйтыу-Нёр* (*Пѳты-Нёр*) находится в 15 км от хребта *Нѳ-Пупыг-Нёр* (*Тэлт-Поз-Из*), со стороны которого свирепые ветры регулярно наносят огромные массивы снега. Судя по “метеоусловиям”, можно сделать некоторый вывод: устойчивая непогода с метелями, буранами иногда сравнима с бурлящим

¹ Автор термина «культурный ландшафт» немецкий географ Отто Шлютер (1920).

“адским котлом”, “заправленным” кромешной круговертью. Путники бывают вынуждены продолжать путь в этой снежной кипени. Счастлив тот, кто в такую пору прошёл этот участок пути-дороги целым и невредимым. Манси о таких местах говорят: “*Пётым нут хольт ёнхи, элы мятэ ат наңки*” – ‘Кружит (бурлит) как заправленный кипящий котёл. Впереди ничего не видно’. Словом – ‘ад’» [34, 124–125].

Подобные примеры можно было бы без труда приумножить, но и приведённые топонимы, в составе которых присутствуют мифонимы, создают ощущение окружающего человека пространства обитаемым и понятным, а в свете атмосферной теории Бёме, «чувственно звучащим» [52, 247].

Антропоморфизация ветра. Антропоморфизм как один из приёмов освоения внешнего мира в архаическом мировоззрении мыслился «в терминах человеческого опыта, а человеческий опыт – в терминах космических явлений» [6, 9]. Такой виртуальный локус характерен для мифологических представлений обских угров и самодийцев, в соответствии с которыми ветры персонифицировались, наделялись именами, семейно-родственными связями, признаками пола и возраста. В зависимости от направлений ветра формировались и его оценочные характеристики, которые традиционным мировоззрением связывались с поведением духов-хозяев. В данном случае ветер выступает как их «индекс присутствия», как «непреодолимая сила, которая воздействует на систему органов чувств человека и порождает культурно- и контекстно специфические дискурсы» [57, 91].

Так, например, ханты с р. Ляма своего местного духа погоды *Лэм ики* ‘Лямина старик’ воспринимали в качестве протяжённого горного хребта, по форме по форе напоминающего человека [20, 168]. Казымские ханты бога северного ветра представляли в облике «Крылатого мужчины» – «Где пройдёт, все деревья валит одной линией» [14, 243]. Мансийский *Вёт-а́ньцех* также представлялся в облике старика («Ветер-старик»), а *Холы Вёт Ойка* ‘Восточного Ветра Мужчины’, «выглядел» крепким, не пожилым, в полном расцвете сил. Лесные ненцы свой ветер с востока описывали в виде Восточной старухи. К ненецкому божеству *Нумкымпой*, напускающему ветер, не иначе как «дедушка» никто не обращался. Следует отметить одну особенность, связанную с персонификацией ветра у тундровых ненцев. Их северный ветер («Бык северной стороны») при указании на антропоморфные черты, не лишён

был амбивалентности. По материалам Т. Лехтисало он «очень большой и имеет человеческую внешность, беловолосый: по другим данным, он выглядит как дикий олень...» [23, 22, 23].

В традиционных представлениях ветер, подобно человеку, локализован в пространстве, имеет собственное место обитания. В фольклоре лесных ненцев у духа Ветра есть свои жилища, построенные в лесу из сухих веток («свалки» из сухостоя, которые нельзя рубить женщинам на дрова) или обиталища в кронах деревьев («Домик ветра»). Место жительства ненецкого *Нэ́рм’ мерця* ‘Северный ветер’, который выдыхает холод из своей пасти, располагается у северной кромки неба [21, 9–19].

Кроме того, ветры, как полагали обские угры и самодийцы, живут семьями, имеют жён, детей, братьев и сестёр. Вихрь хантами воспринимается как «сын ветра». Мансийский *Вёт-а́ньцех* являлся братом верховного божества *Нума*. Большая мифическая птица *Минлей* был сыном ненецкого бога *Нума*, по указанию которого он взмахами крыльев посылал ветер (*мерця*). Восточная старуха, посылающая плохой восточный ветер, за непослушание убила своего сына. Для сравнения отметим, что и венгерскому ветру также не чужды семейные узы. У них «встречаются различные существа ветра: мать ветра, дочь ветра, сын ветра, которых хотя и нельзя хулить, но которым не оказывается и никакого культа» [19, 49].

У членов семьи Ветра нередко проявлялись индивидуальные черты «характера» и даже таланты. Так, например, у хантыйского Ветра был сын (фолькл. *вот пах* ‘ветра сын’) – вихрь, крутящаяся буря. Он бывает наиболее активен в тёплую погоду. Когда дерево вдруг охватывают клубы огня, аганские ханты говорят, что это «*вот пах* гуляет», т. е. сын наделялся чертами подвижного, проворного, непоседливого ребёнка [13, 33; 28, 224]. Своя характеристика присуща и мансийскому озорному, игривому сыну ветра *вётпыг*. Появляется он моментально, быстро напраказначает и уносится, но попасть в его водоворот очень опасно. Его озорство выражается в свисте, который имеет силу более разрушительную, чем снежная буря. Отношение к нему настороженное. В Ломбовоже, во время обряда, проходившего в августе 1998 г., С. А. Попова была свидетелем того, как расстеленную на земле клеёнку (вместо стола), поднял волнами и местами закружил налетевший ветер. Присутствующие называли его *вётпыг*, а после, в деревне у одной хозяйки пропал телёнок и она сказала,

что его, наверно, унёс этот порыв ветра¹. Как видим, маленьким сыночком его не назовёшь (в названии нет слова *мáнь* ‘маленький’). Лексема *пыг* ‘сын’ указывает на статус младшего (возможно по масштабу), что не умаляет его значимости, учитывая разрушительную силу, которую он несёт своим свистом.

Ненецкий *Нумкымпой* имел взрывной характер. «Если он зол на кого-то, то напускает злого духа в виде вихря» [23, 76]. Сын бога Ветра в загадке лозьвинских манси обладает творческим талантом – мастерски играет на *саңквылтапе* от чего «деревья пляшут» (Ветер деревья качает) [45, 68].

Духу Ветра не чуждо чувство дружбы. Когда хантыйский *Вот-лунг* находится в приятельских отношениях с *Блян-пелек-лунг* (‘Дух с северной стороны’), ведающим тучами, то он ему помогает, гонит тучи на землю, а когда они «подерутся», то *Вот-лунг* все тучи разгонит по сторонам [49, 161–162].

Ветер, как могучее антропоморфное существо, наделялось властью, что нашло отражение в соответствующих мифонимах. У манси северный ветер именуется *Луйи Вёт Ойка* ‘Владыка Северного Ветра’ (букв.: [Святой] хозяин северного ветра) [34, 147]. Лесные ненцы представляли, что «во главе семи ветров стоял главный Старик-Ветер» [28, 224]. Венгры имели своего короля Ветра [19, 49].

Как видим, антропоморфизм в качестве «превращённой формы» выстраивает связь человека и природы (мифологический антропоморфизм), человека и сверхъестественной духовной сферы (религиозный антропоморфизм) [26, 319]. При этом ветер в традиционном мировоззрении обско-угорских и самодийских народов является одной из персонифицируемых природных стихий, «визуализируемый», как правило, в мужском облике у обских угров и амбивалентном – у лесных ненцев. Такое обнаружение присутствия «чего-то», по выражению Г. Бёме «может быть понято как “соприсутствие”» [52, 249].

Обсуждение и заключение

В результате проведённого исследования нами выявлено, что стихия ветра играет важную роль в практическом освоении пространства (реальный локус) как результат хозяйственной деятельности (разнообразие определений для различных видов ветров, ориентационные координаты, номинации топографических единиц), а также находит

отражение в мифологических представлениях (виртуальный локус), что проявляется в персонификации ветра. Метеорологические знания демонстрируют явное преимущество ненецких названий ветров, что объясняется климатогеографическим положением тундры и лесотундры (равнинный рельеф, близость океана, муссонная циркуляция) как мест их традиционного проживания и хозяйственной деятельности.

В соответствии с теорией Бёме атмосфера не только проявляется как «артикуляция присутствия окружающей среды», но и как переживания человека. В традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев ветры эмоционально окрашены и в зависимости от направления, времён года и хозяйственных занятий они могут восприниматься как положительные или как отрицательные явления. Например, весенние ветры, пурга, буран часто приводят к гибели неокрепших новорожденных телят, а летние – были спасением от гнуса, отгоняя кровососущих насекомых от оленей. Полезность ветра визуализируется в переносе дождевых облаков, которые были спасительной силой от засухи.

Доминантными пространственными направлениями остаются северный и южный векторы, для номинации которых сохраняются довольно устойчивые формы в хантыйском, мансийском и ненецком языках. Это обстоятельство подчёркивает сильную позицию оси север – юг для оленеводов, передвигающихся преимущественно в меридиональном направлении, создавая впечатление слитности понятия «ветер» и географического направления. Запад и восток в привязке к ветрам, в пространственных представлениях выглядят размытыми, что проявляется в множестве вариантов названий.

Ветер играет немаловажную роль в формировании культурного ландшафта, наполняя его особой одухотворённостью, символичностью и познавательностью. Этот «природно-культурный территориальный комплекс»² – единственный пространственный объект, в котором ветер имеет топографическую привязку к местности. Элементы культурного ландшафта служат теми топографическими единицами, которые, в числе прочего, формируют ментальную карту территории проживания локального этнического сообщества. Присутствие на ней мифонимов разрушительной силы предостерегает об опасности, которая заложена в стихии сильно дующего ветра / вихря.

¹ Благодарим С. А. Попову за предоставленную информацию.

² Термин предложен Ведениным Ю. А. и Кулешовой М. Е. [7, 16].

Принцип антропоцентризма обусловил появление различных очеловеченных образов ветра в обличье дедушки, стариков и старух, сыновей Верховного божества, «Крылатого Мужчины», птицы *Минлей* и «Быка северного ветра». Эти персонажи имеют свои семьи, жилища, проявляют индивидуальные особенности характера, понимают важность дружеских отношений, обладают могуществом власти. Но жизнеспособность этих образов Ветра имеет значение только при наличии коммуникации, межличностного общения как не-

отъемлемой составляющей атмосферной теории Бёме. Кроме того, по мнению известного немецкого философа, природа атмосферы не мыслится в рамках очерченных границ. Она может создаваться сознательно как совокупность заданных составляющих. В нашей статье такими заданными компонентами явились реальный и виртуальный локусы проявления стихии ветра. Их восприятие формирует особым образом осязаемое пространство как часть мировоззренческой традиции обских угров и самодийцев.

Список источников и литературы

1. Абрамов П. Д. Онтологические и антропологические смыслы мифопоэтических представлений о стихиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 20–29.
2. Адаев В. Н. Специфика ориентирования по сторонам света у тундровых ненцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 89–98. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-089-098.
3. Антология поэзии Медвежьего праздника северных манси / сост. Н. В. Лукина, С. А. Попова. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. 510 с.
4. Бармич М. Я. Русско-ненецкий словарь. СПб.: Алмаз-Граф, 2015. 836 с.
5. Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 288 с.
6. В преддверии философии: духовные искания древнего человека / Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. СПб.: Амфора, 2001. 314 с.
7. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Д. Буланин, 2004. С. 13–36.
8. Вершинин В. И. Происхождение ненецких слов. Йошкар-Ола: Курсив, 2015. Т. I-II. 240 с.
9. Волдина Т. В. Поверья обских угров, связанные с вихрем // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы дистанционной научно-практической конференции XV Югорские чтения (20 декабря 2016 г., Ханты-Мансийск). Тюмень: ФОРМАТ, 2017. С. 34–39.
10. Волкова А. Н., Соловар В. Н. Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.
11. Гардамшина М. И. Космогонические представления и традиционные культы // Лесные ненцы. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. С. 232–239.
12. Голубкова О. В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 101–111.
13. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова: под общ. Ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 207 с.
14. Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 580 с.
15. Зенько М. А. Экологический календарь лесных ненцев: опыт хозяйственно-культурной, этнографической и историко-этнографической реконструкции // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Ч. 2. С. 3–10.
16. Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 202 с.
17. Истомин К. В. «Только трусливый плуствует»: страх, беспокойство и ориентация в пространстве у оленеводов – ненцев и коми // ЭТНОГРАФИЯ. 2018. № 2. С. 67–83.
18. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
19. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. 3. 247 с.
20. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 200 с.
21. Лар Л. А. Устройство мира космоса и божеств в мировоззрении ненцев в XVIII – нач. XX века // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 89. С. 9–19.
22. Левкиевская Е. Е. Вихрь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 379–382.
23. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: изд-во Том. ун-та, 1998. 135 с.
24. Лискевич Н. А. Дорога в традиционной культуре коми Нижнего Приобья // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и Ка, 2012. С. 179–195.
25. Лискевич Н. А., Копыльцова И. Ю., Поршунова Л. С. Прогнозирование погоды в практике оленеводов Приполярного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019 № 4 (47). С. 195–201.
26. Мамардашвили М. К. Превращённые формы. (О необходимости иррациональных выражений) // Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
27. Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 208 с.
28. Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

29. Плотникова А. А. Ветер // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 357–361.
30. Попова С. А. Словарь мифоритуальной лексики северных манси. Тюмень: ФОРМАТ-72, 2024. 248 с.
31. Ракин А. Н. Метеорологическая лексика удмуртского языка (обозначения ветров) // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 52–57.
32. Рандымова З. И., Прокина Т. Я., Рачинская М. А. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. СПб.: Алмаз-Граф, 2023. 188 с.
33. Рябчикова З. С., Афанасьева К. В., Игушев Е. А. Русско-хантыйско-мансийско-венгерский тематический словарь. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2012. 116 с.
34. Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. 480 с.
35. Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск: Арго, 2001. 124 с.
36. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия. 1965. 942 с.
37. Толстая С. М. Метеорология народная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 248–252.
38. Толстой Н. И. Ещё раз о теме «тучи – говьяда, дождь – молоко» // Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 253–266.
39. Турутина П. Г. Нешаң ванлат шотпялс” (Легенды и сказки лесных ненцев). Новосибирск: Новосиб. Гос. ун-т, 2003. 108 с.
40. Фень Е. Г. Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города: дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 142 с.
41. Фёдорова Л. В. Тенгризм. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2023. 596 с.
42. Харючи Г. П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев / отв. ред. Н. В. Лукина. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.
43. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.
44. Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.
45. Хромова А. М. Фольклор манси Северной Сосьвы. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 76 с.
46. Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. М., Л.: Учпедгиз. 1936. 115 с.
47. Чернецов А. В. К изучению метеорологической магии // Материалы по истории и археологии России / отв. ред. В. М. Буланкин. Рязань: Александрия, 2010. Т. 1. С. 349–358.
48. Шарапов В. Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных коми // Христианство и язычество у народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 148–168.
49. Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.
50. Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1 (21). С. 151–157.
51. Эренбург Б. Книга пермских чудовищ. Пермь: Сенатор, 2024. 219 с.
52. Böhme G. Acoustic als Grundbegriff einer neuen Ästhetik // Kunstforum. 1992. Bd. 120. Pp. 247–255.
53. Böhme G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics // «Thesis Eleven». 1993. 36 (1). Pp.113–126.
54. Csepregi M. Szurguti osztják chrestomathia. Szeged: JATE, 1998. 183 p. (Studia Uralo-Altaica. Suppl. 6).
55. Ingold T. Footprints through the Weather-world: Walking, Breathing, Knowing // «Royal Anthropological Institute». 2010. Pp. 121–139
56. Langton M. Earth, Wind, Fire and Water: the Social and Spiritual Construction of Water in Aboriginal Societies // The Social Archaeology of Australian Indigenous Societies / ed. by B. David, B. Barker, I. J. McNiven. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2006. Pp. 139–160.
57. Pandya V. Time to Move: Winds and the Political Economy of Space in Andamanese Culture // «Royal Anthropological Institute». 2007. Pp. 91–104. (Special issue on Wind, Life, Health: Anthropological and Historical Perspectives).

References

1. Abramov P. D. *Ontologicheskie i antropologicheskie smysly mifopoeticheskikh predstavlenij o stihiyah* [Ontological and anthropological meanings of mythopoetic ideas about the elements]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2023, no. 4 (474), pp. 20–29. (In Russian)
2. Aдаев V. N. *Specifika orientirovaniya po storonam sveta u tundrovyyh nencev* [Specifics of orientation by the cardinal points among the Tundra Nenets people]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 1 (40), pp. 89–98. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-089-098. (In Russian)
3. *Antologiya poezii Medvezh'ego prazdnika severnyh mansi* [Anthology of poetry of the Bear Festival of the Northern Mansi people]. Comp. N. V. Lukina, S. A. Popova. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2020. 510 p. (In Russian, Mansi)
4. Barmich M. Ya. *Russko-neneckij slovar'* [Russian-Nenets dictionary]. Saint-Petersburg: Almaz-Graf Publ., 2015. 836 p. (In Russian, Nenets)
5. Barmich M. Ya., Vello I. A. *Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij* [Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary]. Saint-Petersburg: Filial izd-va "Prosveshchenie" Publ., 2002. 288 p. (In Nenets, Russian)
6. *V pred'dverii filosofii: duhovnye iskaniya drevnego cheloveka* [On the eve of philosophy: the spiritual quests of ancient man]. Frankfort G., Frankfort G. A., Uilson Dzh., Yakobsen T. Saint-Petersburg: Amfora Publ., 2001. 314 p. (In Russian)
7. Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. *Kul'turnyj landshaft kak kategoriya naslediya* [Cultural landscape as a heritage category]. *Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural landscape as a heritage object]. Moscow; Saint-Petersburg: Institut Naslediya; D. Bulanin Publ., 2004. Pp. 13–36. (In Russian)
8. Verzhinin V. I. *Proiskhozhdenie neneckih slov* [Origin of Nenets words]. Yoshkar-Ola: Kursiv Publ., 2015. Vol. I–II. 240 p. (In Nenets, Russian)

9. Voldina T. V. *Pover'ya obskih ugrov, svyazannye s vihrem* [Beliefs of the Ob Ugrians associated with the whirlwind]. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: Materialy distancionnoj nauchno-prakticheskoy konferencii XV Yugorskie chteniya (20 dekabrya 2016 g., Khanty-Mansijsk)* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: Proceedings of the distance scientific and practical conference XV Yugra Readings (December 20, 2016, Khanty-Mansiysk)]. Tyumen: FORMAT Publ., 2017. Pp. 34–39. (In Russian)
10. Volkova A. N., Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij tematicheskij slovar' (surgutsij dialekt)* [Khanty-Russian thematic dictionary (Surgut dialect)]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2018. 212 p. (In Khanty, Russian)
11. Gardamshina M. I. *Kosmogonicheskie predstavleniya i tradicionnyye kul'ty* [Cosmogonic representations and traditional cults]. *Lesnye nency* [Forest Nenets people]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2006. Pp. 232–239. (In Russian)
12. Golubkova O. V. *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie severnyh komi-zyryan i russkikh v sfere sakral'nogo simvolizma* [Ethnocultural interaction of the Northern Komi-Zyryan and Russian peoples in the sphere of sacred symbolism]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia], 2006, no. 3 (27), pp. 101–111. (In Russian)
13. *Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka: (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language: (Shuryshkar and Ural dialects)]. Comp. S. I. Valgamova, N. B. Koshkareva, S. V. Onina, A. A. Shiyanova; Ed. N. B. Koshkareva. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 207 p. (In Khanty, Russian)
14. Dmitrieva T. N. *Toponimiya bassejna reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River Basin]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2005. 580 p. (In Russian)
15. Zenko M. A. *Ekologicheskij kalendar' lesnyh nencev: opyt hozyajstvenno-kul'turnoj, etnograficheskoy i istoriko-etnograficheskoy rekonstrukcii* [Ecological calendar of the Forest Nenets people: experience of economic-cultural, ethnographic and historical-ethnographic reconstruction]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa* [Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2004. Ch. 2. Pp. 3–10. (In Russian)
16. Istomin K. V. *Etnoekologicheskaya harakteristika komi-izhemsogo olenevodstva* [Ethnoecological characteristics of Komi-Izhma reindeer herding]. Syktyvkar, 2004. 202 p. (In Russian)
17. Istomin K. V. "Tol'ko truslivyj plutaet": strah, bespokojstvo i orientaciya v prostranstve u olenevodov – nencev i komi ["Only the cowardly wander": fear, anxiety and spatial orientation among reindeer herders – Nenets and Komi peoples]. *Etnografiya* [Ethnography], 2018, no. 2, pp. 67–83. (In Russian)
18. *Istochniki po etnografii Zapadnoj Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1987. 284 p. (In Russian)
19. Karjalainen K. F. *Religiya yugorskih narodov* [Religion of the Yugra Peoples]. Translated from German by N. V. Lukina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1996. Vol. 3. 247 p. (In Russian)
20. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Chelovek i priroda v verovaniyah hantov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1984. 200 p. (In Russian)
21. Lar L. A. *Ustrojstvo mira kosmosa i bozhestv v mirovozzrenii nencev v XVIII – nach. XX veka* [Structure of the cosmic world and deities in the worldview of the Nenets people in the XVIII – early XX centuries]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. A. I. Gercena* [Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2009, no. 89, pp. 9–19. (In Russian)
22. Levkivskaya E. E. *Vihr' [Whirlwind]. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1. Pp. 379–382. (In Russian)
23. Lekhtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nencev)* [Mythology of the Yurak-Samoyed (Nenets) peoples]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1998. 135 p. (In Russian)
24. Liskevich N. A. *Doroga v tradicionnoj kul'ture komi Nizhnego Priob'ya* [Road in the traditional culture of the Komi people of the Lower Ob Region]. *Podorozhnik: Kraeved. al'manah* [The Plantain: Local History Almanac]. Tyumen: Mandr i Ka Publ., 2012. Pp. 179–195. (In Russian)
25. Liskevich N. A., Kopyltsova I. Yu., Porshunova L. S. *Prognozirovanie pogody v praktike olenevodov Pripolyarnogo Urala* [Weather forecasting in the practice of reindeer herders of the Subpolar Urals]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2019, no. 4 (47), pp. 195–201. (In Russian)
26. Mamardashvili M. K. *Prevrashchyonnye formy. (O neobhodimosti irracional'nyh vyrazhenij)* [Transformed forms. (About the need for irrational expressions)]. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Moscow: Progress Publ., 1990. 368 p. (In Russian)
27. Matveev A. K. *Geograficheskie nazvaniya Urala* [Geographical names of the Urals]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1987. 208 p. (In Russian)
28. Perevalova E. V., Karacharov K. G. *Reka Agan i eyo obitateli* [The Agan River and its inhabitants]. Yekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN; GRAFO Publ., 2006. 352 p. (In Russian)
29. Plotnikova A. A. *Veter* [Wind]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1. Pp. 357–361. (In Russian)
30. Popova S. A. *Slovar' miforitual'noj leksiki severnyh mansi* [Dictionary of mythological and ritual lexicon of the Northern Mansi people]. Tyumen: FORMAT-72 Publ., 2024. 248 p. (In Russian, Mansi)
31. Rakin A. N. *Meteorologicheskaya leksika udmurtskogo yazyka (oboznacheniya vetrov)* [Meteorological vocabulary of the Udmurt language (designations of winds)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 1 (20), pp. 52–57. (In Russian)
32. Randymova Z. I., Prokina T. YA., Rachinskaya M. A. *Slovar' hantyjsko-russkij i rusko-hantyjskij* [Khanty-Russian and Russian-Khanty dictionary]. Saint-Petersburg: Almaz-Graf Publ., 2023. 188 p. (In Khanty, Russian)
33. Ryabchikova Z. S., Afanasyeva K. V., Igushev E. A. *Rusko-hantyjsko-mansijsko-vengerskij tematicheskij slovar'* [Russian-Khanty-Mansi-Hungarian thematic dictionary]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2012. 116 p. (In Russian, Khanty, Mansi, Hungarian)
34. Slinkina T. D. *Mansijskie oronimy Urala* [Mansi oronyms of the Urals]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2011. 480 p. (In Russian, Mansi)

35. Spodina V. I. *Predstavlenie o prostranstve v tradicionnom mirovozzrenii lesnyh nencev Nizhnevartovskogo rajona* [Concept of space in the traditional worldview of the Forest Nenets people of the Nizhnevartovsky District]. Novosibirsk: Argo, 2001. 124 p. (In Russian)
36. Tereshchenko N. M. *Nenecko-russkij slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 1965. 942 p. (In Nenets, Russian)
37. Tolstaya S. M. *Meteorologiya narodnaya* [Folk meteorology]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3. Pp. 248–252. (In Russian)
38. Tolstoy N. I. *Eshchy raz o teme "tuchi – govyada, dozhd' — moloko"* [Once again on the theme "clouds are beef, rain is milk"]. *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays on Slavic paganism]. Moscow: Indrik Publ., 2003. Pp. 253–266. (In Russian)
39. Turutina P. G. *Neshaj vanlat shotpyals* [Legends and tales of the Forest Nenets people]. Novosibirsk: Novosib. Gos. un-t Publ., 2003. 108 p. (In Nenets)
40. Fen E. G. *Osnovnye kategorii fenomenologicheskoy filosofii prostranstva v sovremennyh issledovaniyah goroda* [Main categories of phenomenological philosophy of space in contemporary urban studies]. Moscow, 2012. 142 p. (In Russian)
41. Fyodorova L. V. *Tengrizm* [Tengrism]. Yakutsk: Izdatel'skiy dom SVFU Publ., 2023. 596 p. (In Russian)
42. Kharyuchi G. P. *Priroda v tradicionnom mirovozzrenii nencev* [Nature in the traditional worldview of the Nenets people]. Ed. N. V. Lukina. Saint-Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya Publ., 2012. 160 p. (In Russian)
43. Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka Publ., 2010. 456 p. (In Russian, Bashkir)
44. Khisamitdinova F. G. *Slovar' bashkirskoj mifologii* [Dictionary of Bashkir mythology]. Ufa: IYAL UNC RAN Publ., 2011. 164 p. (In Russian)
45. Khromova A. M. *Fol'klor mansi Severnoj Sos'vy* [Folklore of the Mansi people of Northern Sosva River]. Tomsk: Izd-vo TGU Publ., 2004 76 p. (In Russian, Mansi)
46. Chernetsov V. N., Chernetsova I. Ya. *Kratkij mansijsko-russkij slovar'* [Brief Mansi-Russian dictionary]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1936. 115 p. (In Mansi, Russian)
47. Chernetsov A. V. *K izucheniyu meteorologicheskoy magii* [To the study of meteorological magic]. *Materialy po istorii i arheologii Rossii* [Materials on the history and archeology of Russia]. Ed. V. M. Bulankin. Ryazan': Aleksandriya Publ., 2010. Vol. 1. Pp. 349–358. (In Russian)
48. Sharapov V. E. *Zhivaya tradiciya: zavetnye i hramovye prazdniki u sovremennyh komi* [Living tradition: sacred and temple holidays among the modern Komi people]. *Hristianstvo i yazychestvo u naroda komi* [Christianity and paganism among the Komi people]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2001. Pp. 148–168. (In Russian)
49. Shatilov M. B. *Vahovskie ostyaki: etnograficheskie ocherki* [Vakh Ostyak people: ethnographic essays]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki Publ., 2000. 288 p. (In Russian)
50. Shishkina A. A. *Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii* [Cultural landscape: basic concepts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2011, no. 1 (21), pp. 151–157. (In Russian)
51. Erenburg B. *Kniga permskih chudovishch* [The Book of Permian Monsters]. Perm: Senator Publ., 2024. 219 p. (In Russian)
52. Böhme G. Focoustic als Grundbegriff einer neuen Ästhetik. *Kunstforum*, 1992, pp. 247–255. (In German)
53. Böhme G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics. *Thesis Eleven*, 1993, no. 36 (1), pp. 113–126. (In English)
54. Csepregi M. *Szurguti osztják chrestomathia*. Studia Uralo-Altaiica. Suppl. 6. Szeged: JATE, 1998. 183 p. (In Hungarian)
55. Ingold T. Footprints through the Weather-world: Walking, Breathing, Knowing. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2010, no. 16 (s1), pp. 121–139. (In English)
56. Langton M. Earth, Wind, Fire and Water: the Social and Spiritual Construction of Water in Aboriginal Societies. *The Social Archaeology of Australian Indigenous Societies*. Ed. B. David, B. Barker, I. J. McNiven. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2006. Pp. 139–160. (In English)
57. Pandya V. Time to Move: Winds and the Political Economy of Space in Andamanese Culture. *Journal of the Royal Anthropological Institute (Special issue on Wind, Life, Health: Anthropological and Historical Perspectives)*, 2007, no. 13 (s1), pp. 91–104. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сподина Виктория Ивановна, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), доктор исторических наук.

vspodina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6252-7831

ABOUT THE AUTHOR

Spodina Viktoria Ivanovna, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira St., 14A), Doctor of Historical Sciences.

vspodina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6252-7831